

Серия
«Чем дальше в лес...»

Оксана Заугольная

Сердце
САМОЙ ТЕМНОЙ ЧАЩИ

Ростов-на-Дону

 ЕНИКС
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
З-37

Художественное оформление Юлии Сергиенко

Заугольная, Оксана.

З-37 Сердце самой темной чащи / Оксана Заугольная. – Ростов н/Д : Феникс, 2025. – 286, [1] с. – (Чем дальше в лес...).

ISBN 978-5-222-41742-3

Отправив Василису за огнем к навъему царю Кощею в самую темную чащу, сестры и мачеха надеялись никогда не увидеть ее. Казалось бы, план удался: Василиса так и не вернулась утром. И никто даже подумать не мог, что то самое зло, которое скрывается в лесу, протянет руку помощи. Самая темная чаща таит в себе много загадок, и встретить там можно не только пугающие кошмары, но и свою судьбу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-41742-3

© Заугольная О., текст, 2024
© ООО «Феникс», оформление, 2024
© В книге использованы иллюстрации по лицензии *Shutterstock.com*

*Посвящается Юлии Стрелкиной,
другу и музе*

ГЛАВА 1

Порыв ветра хлестко ударил по лицу, освежил мелкими, но частыми каплями, отчего не только платье, но и волосы разом сделались воглыми и тяжелыми. Хотелось вернуться в избу, сесть поближе к печи и почувствовать, как холодная, неуютная ткань прямо на теле становится теплой, как поднимается от нее едва заметный при свете лучинки пар.

Василиса вздохнула, поплотнее запахнула на груди потяжелевший от воды мамин платок, прижимая под ним озябшей разом рукой куколку. В том-то и беда, что ни лучинки, ни огня в печи не осталось. Порыв ветра, распахнувший дверь, что не закрыла на засов вернувшаяся позже всех Власта, как по волшебству затушил не только тоненькую лучинку, но и очаг. Василиса, ожегшая пальцы, когда пыталась спасти хоть одну искорку, была грубо окликнута мачехой:

— Непутеха, дверь закрой! Вот же безрукая!

Василисе бы напомнить, что сама она, едва стемнело, была уже на лавке, дальше всех от еле светящей в сумерках лучины, и, не позволяя себе протереть уставшие глаза, пряла пряжу. Пальцы сводило от монотонной ра-

боты, вот и не поймала огонек, лишь зря обожглась. Но она промолчала и поскорее закрыла дверь да подперла ее бревнышком, чтобы тепло не вышло из темного дома.

— Вот совсем ты батюшку не ждешь, как я погляжу, — усмехнулась Власта. Она поспешно отложила кружева, за которые ее посадила мать, и завернулась поплотнее в стеганое одеяло. Рядом и Белолика бросила чулки, тихонечко хихикая. — Дверь вон как крепко запираешь.

Василиса больно прикусила губу, но промолчала. Только мамину куколку на ощупь отыскала и, также не глядя, пальцами по личику ее пробежалась. Успокоилась.

Ей бы и сказать, что батюшка в такую погоду с постоялого двора не уедет: товары не рискнет погубить. Его же Милица тогда мытьем да катаньем со свету сживет. Уж больно из избы она мечтает в хоромы перебраться, чтоб и терем светлый над горницей, и наличники резные.

Как она это батюшке представляла, уж на что Василиса свою мачеху знала, а и то заслушивалась! Милица дома-то косу чуть из-под платка выпускала, чтобы локон черный по плечу вился и спускался, сама присаживалась рядом с батюшкой и ворковала сладко, дескать, у Василисы глазоньки портятся от работы в темной избе, а Власточка все руки смозолила чистить старые полы, а уж Белолика-то света белого не видит, прибирая печь да замазывая щели.

Батюшка гладил этот локон, что по рубашке вился, и кивал, будто сонный, со всем соглашаясь. Василиса

помладше была, так пару раз не удерживалась, только руками всплескивала.

— Да как же так, батюшка? Это же я печь прибираю, я щели замазываю, я полы чищу!

Только задурманенный отец лишь кивал осоловело и Василису не слушал. А сестры сводные потом больно за косы таскали да смеялись. А Милица никогда мешочка с колотым горохом не жалела, чтоб сунуть Василисе перебирать, а потом и под голову на лавку подсунуть.

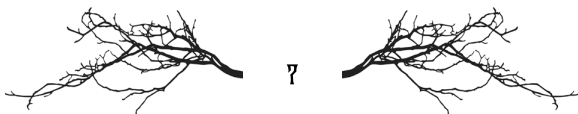
Так Василиса и перестала жаловаться, только лучше прятала куколку и платок — все, что от родной матери осталось. Вот и сейчас она покрепче прижала куколку к груди, а в приоткрытую дверь вместе с завыванием ветра донеслось Белоликино:

— Куколку оставь, а то вместе с ней сгинешь!

Засмеялась она или нет — Василиса и не слышала: уж больно громко закаркали вороны, вместе с ветром налетая на нее, едва не касаясь мокрой косы.

Куколка и впрямь была примечательной. Как и в любом доме, в их тоже было много куколок — соломенных, наряженных в пестрые тряпички, тряпичных со светлыми пустыми личиками, зерновушек и желанниц. У Власты была с самой длинной косой, зато Белоликина была одета в настоящие кружева. Но та, что досталась Василисе от матери, оказалась совершенно особенной.

Василиса и не видала ее в доме до самой матушкиной смерти. В тот день она проработала с теткой в поле, и тетка, родная сестра батюшки, поучала ее: «Вот будет матушка помирать, руки ей не давай, целовать себя

тоже не позволяй. Обнимешь, когда глаза сомкнет, и не раньше. Слушай внимательно, глупая, не забуду!»

Жужжала как муха противная над ухом, так что Василиса и понять не могла: то ли голова кружится от зноя, то ли от теткинских слов. Что матушка вот-вот умрет, Василиса уже знала. Все слезы уже излила, сил больше плакать не было, как и с теткой спорить. Да только едва прибежал соседский мальчишка с вестью горестной, Василиса и думать забыла о наставлениях. Хотела заобнимать и зацеловать матушку, но та была слишком слаба. Лежала почти как неживая на лавке, укрытая пуховым одеялом — это посреди лета, — и руки ее подрагивали как от холода.

Вот тогда мама и протянула ей куколку.

— Не станет меня, Василисушка, за куколкой смотри как за сестричкой, — слабым голосом попросила мать. — Лакомый кусочек ей давай, а будет нужно, и совета спрашивай — куколка тебе обязательно поможет.

Василиса сама за куколкой руку потянула, да и кто бы устоял! Куколка была как живая девочка, только с ладошку величиной. Глазки с ресничками, волосы, убранные в аккуратную косу, щечки румяные, на ручках по пять пальчиков, на ножках не лапти даже, а сапожки. И платье ровно у царевны, стеклярусом убрано. Красивое — глаз не отвести!

И только Василиса ладонь протянула, как кукла словно сама к ней скакнула. Больно щипнуло ладонь, пробежала искорка, потемнело в доме, а на улице будто

стих не только ветер, но и весь двор. Не слышно стало возвращающихся с пастбища коров, визгливых соседок, что уже готовились оплакать мать Василисы, домовый перестал шуршать за печью, не каркали вороны. Тишина.

Василиса даже подумала, что оглохла. Потрясла головой, но тут все и прошло. А когда она снова на матушку глянула, то тотчас поняла, что та ее навсегда оставила.

Горевала Василиса — горевал и батюшка ее. Василиса каждый вечер на куколку глядела и маму вспоминала, утром умывала подруженьку чистой водицей из колодца, какую для себя и отца набирала, в зной прикрывала от солнца и рядом оставляла самые нежные и сладкие кусочки со стола. А кто там ими лакомился: куколка, домовый или мышка — Василиса не любопытничала зазря.

А вот батюшка горевал до Покрова, а как снег первый лег, так и заслал сватов в соседнюю деревню.

— Будет мне супружница и в доме хозяйка, а тебе матушка и сестрицы, — пояснил он Василисе. — Уж не обидит сироту: у самой две дочери.

Василиса покорно кивнула. Ей и впрямь еще года два-три — и к самой женихи на двор приедут, а батюшка, что же, один останется?

Только вышло вон как. Власта и Белолика сами заневестились, но со двора не ушли, потому как характер у обеих был совсем не сладким. Власта еще бегала со двора помилиться с соседскими парнями, что нрава

ее еще не знали, а Белолика и вовсе носа за порог не совала. Ни за водой сходить, ни в поле.

Она и лицом, и волосом в мать пошла. Высокая, черноглазая, светлокожая, Белолика рядом с Василисой выглядела дурнушкой и всего в ней хорошего, что нетронутая кожа без поцелуев солнечных. Да только у русоволосой и зеленоглазой Василисы даже веснушки смотрелись так, что парни шеи сворачивали и все как один обещали сватов заслать.

Так было той зимой и по весне, а летом как отсохли все, или мачеха отсушила. Уж она точно могла: глаз ее черный был, дурной.

Василиса больше не роптала и свои догадки вслух не высказывала. Вот уйдут со двора мачехины дочери, чай, и для Василисы смелый жених найдется.

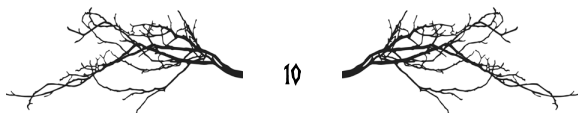
Наверное, и мачеха это понимала, раз совсем извести решила. Дождалась, когда батюшка надолго уедет, да и повод нашла.

Едва Василиса дверь подперла и в матушкин платок завернулась, чтобы в избе не замерзнуть, когда ветер ее выстудит, мачеха снова голос подала:

— Василиса, доченька, — ласково так, словно с батюшкой разговаривает. Василиса сразу поняла, что не к добру это, но послушно откликнулась:

— Да, ма... матушка.

Язык едва ворочался такое говорить, но что поделаешь? Мачеха требовала звать ее именно так и улыбаться, когда батюшка дома, а Власту и Белолику сестрицами величать. А что сестрицы и еды толком не

оставят, пока Василиса в поле или за коровой убирает, так это и вовсе упоминать не велено.

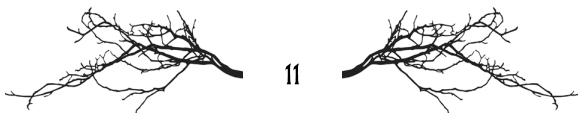
И давно уже Василиса должна была с лица спасть, подурнеть и похудеть, а волос в косе стать от постоянных дерганий тусклым и тонким, да только ничего такого не случилось. Самый старенький сарафан на ней ладно смотрелся, щеки румянцем алели от работы на воздухе да от недолгого сна дальше всех от печи, в самой зябкой части избы. И как бы мало ни ела, а все одно: хоть ложку каши, но перед куколкой ставила и просыпалась совсем сытой, будто куколка возвращала ей сторицей.

И сколько раз Василиса раздумывала, попросить ли ей совета у куколки, может, узнать хоть, как ей удастся от жадных Власты и Белолики скрываться, раз они до сих пор такую диковинку к рукам не прибрали, но все не решалась. Только перед сном шепотом на судьбу свою жаловалась, тихо-тихо, чтобы мачеха и сестры не прослышали. Куколка поблескивала своими стеклянными глазками и молчала, но словно слушала, и Василисе на душе становилось легче.

Снова рассмеялись Белолика и Власта, когда Василиса назвала их мать матушкой, словно знали что-то. А может, и знали. Василисе то неизвестно.

— Непогода разыгралась, Василисушка, — мягко продолжила мачеха. — Без огня вымерзнем. Надо принести огня, да хорошего, чтобы до зимы грел. Такой только у Кощея имеется. Навьим огнем зовется.

Уж на что Василиса кроткой была и послушной, а не удержалась — ахнула.

— За что ты так со мной, матушка? — чуть не плача спросила она. — Разве не лучше до кузнеца сбегать? У него всегда огонь есть, в любую непогоду не тухнет!

— Чтоб потом кузнец сватов на наш двор заслал? — взвизгнула Власта. — Не слушай ее, матушка! Василисе лишь бы со двора сбечь да парню какому голову вскружить!

Онемела Василиса от такого обвинения. Так и не нашла, что ответить. Только куколку свою нащупала, пока сестрицы снова дверь отворяли. Ох и до того споро они это сделали, что Василиса снова заподозрила стговор.

— Огонь хороший только у Кощея взять можно, — напутствовала мачеха. — Такой, чтобы дом не пожег, зимой не затух, летом не дымил. У вас тут обычный был, вот легкий ветерок и выдул его сразу из печи, ни лучинки не осталось с искрой. Ты радоваться должна, что я эту тайну тебе открываю. Будет свой двор, и на него огня от Кощеева получишь.

Засмеялась Белолика, будто что-то смешное мачеха сказала, а Власта добавила ехидно:

— Радоваться должна, что не зима сейчас, а то до первого сугроба бы Кощеев огонь искала.

Хотела рассмеяться, да только ветер завыл в трубе до того жутко, что подавилась Власта смешком и отпрянула от открытой двери.

На мгновение двор озарило молнией, и снова стало темно. Василиса едва успела увидеть рвущиеся за ветром ветви деревьев, словно худые костлявые руки, да борющихся с непогодой воронов, которые ломали крылья, но пытались взлететь в серое вечернее небо.

— Ночь же на дворе, матушка! — взмолилась она. Но Белолика толкнула ее в грудь, отчего Василиса пусть и устояла на ногах, но оказалась прямо под ненастным плачущим небом и пронизывающим ветром.

— Без Кощеева огня не возвращайся! — крикнула мачеха, а Белолика добавила свое:

— Куколку оставь, а то с ней сгинешь!

Только не послушала ее Василиса, крепче прижала куколку к груди и побрела прочь со двора отцовского.

За воротами огляделась. Может, к тетке пойти и там ночь переждать, а с утра принести огня? Неужто отличит мачеха, что огонь не Кощеев, а из соседской печи?

Перед глазами встал батюшка, покачал головой недовольно. Разве не обещала Василиса во всем слушаться мачеху в его отсутствие, не обещала быть хорошей сестрой Власте и Белолике? А Марфа, что же, разве не расскажет мачехе, что заходила племянница и огня попросила? Холодна была Марфа, словно Василиса не брата родного дочь, а нищенка какая бродячая. Да и не поверит ей мачеха, что она до Кощея дошла. Начнет расспрашивать, каков его дом, потчевали ли ее чем-то как гостью или собаки злые со двора погнали.

Поежилась Василиса то ли от холода, то ли от мыслей о том, каков дом Кощея и кто его охраняет. Небось волки голодные с зубами острыми вместо собак, рыси и росوماхи вместо котов. И ее как гостью если сразу не убьют, то человечинной попотчуют!

Да только проситься на ночлег к соседям тоже нельзя было. Черным глазом дурным вычислит мачеха добряка, сгорит у коровы его молоко, приболеют дети.

Снова вздрогнула Василиса, но в руке тепло шевельнулась куколка, и решила девушка идти в лес. Коли не найдет Кощея, так тому и быть. Поплутает и выберется к родной деревне, а там и батюшка с товарами вернется. Сам достанет огня у кузнеца. А повезет Василисе, так дожди зарядят, отец до первого снега никуда не поедет, а уж на Покров она со двора уйдет, хоть за хромого Ждана, хоть за кривого Некраса.

Ей бы сейчас только ночь перетерпеть да день переблуждать. А выйдет ежели к Кощею, значит, судьба такая. Ну не съест же он ее в самом деле!

Василиса поежилась и сильнее стиснула в руке куколку да голову в плечи вжала. Про Кощея много разных слухов ходило. И был он царем всего мертвого и Нави, или же только тех умертвий, что выползали в самые сильные морозы к деревьям. И был он страшен как война и мор или просто стар как сама смерть. Мнения тут были разными, и долгими зимними вечерами за сказками да историями деревенские спорили об этом, так и не приходя к одному мнению. Потому как мало кто видел Кощея и живым ушел. Но в одном все сходились точно — Кощей был бессмертен и богат так, как и царю их не снилось, не то что купцам. А еще жесток. И о его жестокости не слагали легенды лишь потому, что и певцы легенд боялись за свою шкуру не меньше, чем прочие.

— Да разве ж найду я в лесу двор Кощея? — бормотала Василиса себе под нос, пользуясь тем, что из-за воющего ветра сама себя не слышала. — Я столько раз по ягоды и грибы ходила, никакого двора Кощея не видела. Выдумки это все. Зачем ему тут дом ставить, когда он

Нави хозяин?! В Нави пусть и строится, а в нашей чаще и буреломе его комары заедят да любопытные девки замучают.

Смешно Василиса себе под нос бормотала, а самой не до смеха было. Ветер то в спину толкал, то под платье забирался. Сучья, словно пальцы, норовили ухватить за платок или за косу, дождь поливал сверху, под босыми ногами хлюпала грязь и цеплялись корни, вылезавшие из закисшей земли прямо поперек тропки.

Василиса уж и пожалела, что не натянула лапти. Но ее вытолкнули из дома внезапно, а до непогоды днем было тепло, и обувь ей не требовалась. Сейчас же она завидовала своей куколке, что держала у сердца под платком. Куколка была обута, ее платье было почти сухим и чистым. Сама же Василиса уже сомневалась, что Кощей, если он вообще ей встретится, пустит такую замарашку на порог.

Сейчас озябшая Василиса мечтала лишь об одном — встретить хоть какое-нибудь жилье, в котором будет огонь и в которое ее пустят обогреться и обсушиться. Она согласна была даже на избушку ведьмы или Бабы-яги, но любое строение, которое мелькало среди деревьев и казалось ей такой избушкой, оказывалось лишь старой моровой избой. И пусть после блужданий в темноте и под дождем и ветром Василиса уже согласна была свернуться калачиком даже рядом с мертвецом в моровой избе, но огня там сроду не водилось, и она могла после такой ночевки разве что радоваться, что хоронить ее бабушке

не придется. И это если мертвецы чему-то еще рады бывают!

Так что она упрямо шла вперед, хотя и бурелома, и моровых изб становилось только больше, а ветер усиливался и, кроме холодных капель дождя, бросал в лицо Василисе всякий сор, мелкие ветви и листья.

И только она подумала спрятаться под еловыми ветвями и переждать непогоду, как впереди послышался топот. Василиса замерла.

Может, послышалось ей сквозь вой ветра? Но нет, не послышалось. Василиса спешно шагнула в сторону с тропы, понимая, что всадник, кем бы он ни оказался, тут, в самой чаще леса, вряд ли остановит коня, чтобы не затоптать ее.

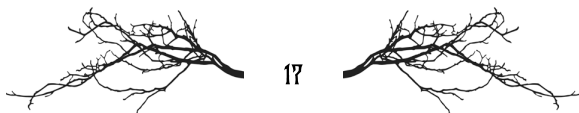

Со страху Василиса сначала вообразила дикого зверя с лошадиными копытами и по-кошачьи горящими глазами. То ли полкана, верх которого должен был быть человеческим, как говаривали старики, а низ лошадиным, то ли настоящего черта!

Но уже через несколько мгновений всадник оказался совсем близко, и Василиса облегченно выдохнула, чтобы вновь перестать дышать от страха. Всадник в богатом белом плаще, который не трепало ветром и не мочило дождем, да на белом коне повернул чуть голову, и в предрассветных сумерках Василиса явственно разглядела гладкий блестящий череп, острые костяшки скул и треугольный провал носа. В отличие от этого темного треугольника, впадины глазниц изнутри горели огнем, их и видела Василиса издалека.

Василисе показалось, что руки ее холодны не от непогоды, которая уже стихла, а от близости смерти. Она почти не дышала и сердце — стучало ли оно или это грохотали копыта белого коня?..

Ей казалось, что целую вечность она смотрит на всадника, а он смотрит на нее и взгляд этих бездушных

огоньков проникает в самое сердце, холодным потом спускается по позвоночнику, заставляет мельчайшие волоски на теле встать дыбом. Если бы Василиса не сжимала в руке куколку, то наверняка замертво бы упала на землю и не поднялась бы снова. Но словно что-то кольнуло ее в руку, она моргнула и поняла, что прошла лишь пара мгновений. И всадник вовсе не глядел на нее, просто проскакал мимо, безмолвный и бесстрастный.

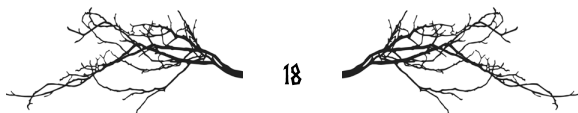
А Василиса задрала голову и убедилась, что ей не показалось, — небо уже начало светлеть. Серые сумерки постепенно отступали, а ведь она даже не заметила, как отступила ночная тьма! Все из-за ветра и холода, да и дождь еще — куда тут в небо глядеть, тут бы живой остаться!

Василиса приободрилась.

— Сейчас солнце выглянет, высушит, а там можно и домой пойти, авось батюшка уже вернулся, — пробормотала Василиса и снова вздрогнула. Теперь, когда ветер не выл, не скрипели деревья, ее голос показался ей самой слишком громким в притихшем лесу.

Она вернулась на тропку, пробуя босыми ногами подсыхающую землю, чтобы не запачкать подол платья сильнее, чем уже было, и мысленно сетуя на бледного коня. Своими копытами тот совсем разбил тропу, превратив ее в жирную грязевую канаву. И тут Василиса снова слышала топот.

Она поспешно спрыгнула в траву, спряталась за кустами и замерла, не в силах даже почесать ногу, хотя

отчетливо чувствовала босой ступней, что приземлилась на муравейник и маленькие злые муравьи уже всюю ползли по ее ноге, примеряясь, где кожа нежнее, чтобы вцепиться крошечными челюстями.

И снова у всадника вместо головы был череп, гладкий и алый, словно только что пущенная кровь, он поблескивал в лучах преследовавшего его алого солнца. Алый плащ небрежно висел на его плечах, спускаясь на круп алого коня. Даже грива коня горела огнем так, что Василиса прикрыла глаза, словно боясь ослепнуть.

Промчался мимо всадник, будто и не видел Василису. И следом за ним встало солнце. Согрело землю, подсушило платье и косу Василисы, да только идти легче не стало. Заблудилась Василиса в чаще, куда не повернет — места незнакомые, деревья старые, с корявыми стволами, темными еловыми лапами, а куда ногу не поставишь — сладко чавкает сытый влажный мох, трещат мокрые мертвые ветви бурелома.

Тяжело стало идти Василисе, хотела она вернуться на тропу, по которой всадники скакали, да разве найдешь ее в такой темноте! Лес до того густой сделался, что даже кроны стыдливостью перестали отличаться, переплелись плотно, спрятав от Василисы солнце. Дышалось в лесу тяжело, воздух был теплым и тяжелым, ровно пуховое одеяло, но Василиса упрямо шла вперед. Перелезала через подмокший валежник, обходила трясину, перепрыгивала через быстрые ручьи, что шептали что-то под ногами.

Литературно-художественное издание

16+

Оксана Заугольная
СЕРДЦЕ САМОЙ ТЕМНОЙ ЧАШИ

Ответственный редактор
Выпускающий редактор
Компьютерная верстка
Корректор

София Папикян
Галина Логвинова
Мэгги Бранто
Татьяна Слепова

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Тираж 3 000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».
Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2

Свои пожелания и предложения по качеству и содержанию книг
вы можете сообщить по e-mail: idea@fenixrostov.ru